

Настя Солнечкина

Заканчивал работать поздно. Я был на испытательном сроке у Елизаветы Белловны — лучшего адвоката по семейному праву вы не найдете. Нас двое стажеров, и мы оба старались перещеголять друг друга в усердии, поэтому каждый приходил на рассвете и уходил под уличные фонари.

Автобусы не ходили, и я решил прогуляться. Хотелось спокойно и меланхолично переставлять ноги, совершать шаги без спешки. Вокруг смеющийся зубами, курящий кальянными, отдыхающий город. Днем жарища заставляла их прятаться от плавящегося асфальта и липкой пыли. Я смотрел на народ и мечтал, что когда-нибудь эти влюбленные пары переженятся и станут несчастливы, и в будущем они понесутся ко мне с крупными суммами, лишь бы оставить себе детей и побольше имущества.

Мозг изнутри давил на глазные яблоки, норовя вытолкнуть их наружу. Мне было необходимо лекарство. Раз уж завтра предвидится свободный денек, я толкнул дверь бара, куда заживал еще студентом, спустился по крутой лестнице и взял пива. Холодная пена легла над губой, как бальзам на раны. Я три раза притронулся к бокалу, и он предательски опустел.

Барменша предложила повторить. Я кивнул. Мысли с трудом продирались сквозь комковатые отделы мозга. Необходимо заземление. Я отошел в туалет — узкий чуланчик с унитазом и мокрым полом — и держал руки под холодной водой, пока не перестал ничего чувствовать, умылся, обтер шею, наклонился и, набрав в ладони воды, плеснул на затылок. Фух, это как лошадь кнутом подстегнуть. Я причесал сырые волосы пальцами.

На подходе к барной стойке я замер. Мой бокал стоял у единственного табурета, а справа сидела она. Настю Солнечкину я безошибочно узнал по волнистой соломе волос, водопадами спадающих вниз. Я годами наблюдал их долгими и скучными уроками, изучил их на молекулярно-метафизическом уровне. Теперь она сидела на соседнем табурете, скрестив ноги.

— Насть?

— Узнал, — она улыбнулась так же хищно, как улыбалась школьницей.

— Один тут пьешь, алкаш?

Я кисло улыбнулся. Отвык от ее дерзости.

— Составишь мне компанию? — спросил.

— Как видишь — уже. Я ведь подошла, — она ткнула локтем в бок, — глупый.

Потом она сделала паузу и продолжила:

— Вообще-то я вроде как уже в компании.

Она указала на арочный проход в залу со столиками, где в углу сидели трое мужчин. Перед ними стояло с два десятка рюмок, несколько пивных бокалов и хайболлов, гигантский поднос с куриными косточками. Я почувствовал себя неуютно и, чтобы скрыть волнение, отпил пива.

— Но они собирались домой.

— В добрый путь.

Кое-как «они» выползли из угла и удостоили нас винными парами.

— *Ош-шумели лет-ни-е дож-жи*, — пел один.

— А в колхозной молодежи панковал один лишь *ик*, — подпевал другой не в тему.

Заговорил огромный, в плечах больше, чем я ростом:

— Машина через три минуты. Пошли.

— Я останусь. Одноклассника встретила. Артем, это Дима.

Я пожал медведеподобную сальную лапу Димы.

— Тогда шток проводил Настю.

— Он проводит, Дим. Такси ждет. Иди.

Дима отдал честь и уволокся с двумя мордоротами из бара. Я заметил:

— Это было странно.

— Забей, ты не знаешь, куда он поедет, а я знаю.

— Домой? — сделал я робкую попытку.

Настя опять ткнула меня локтем, потом отвернулась и скрыла лицо от моего взгляда за шторой соломенных волос.

— Дай я тебя угощу. Давайте две Текилы Санрайз. Чтобы лишний раз напомнить себе, что ночь темнее всего перед рассветом.

— Ох, ты такой очаровашка, — сказала она и добавила. — Со школы жутко изменился. Помню, как после казанского и пермского стрелков мы шутили, что ты будешь следующим. Или что мы увидим тебя в криминальной хронике про маньяков. Даже спорили на деньги с кем-то. Не помню с кем.

В душе у меня брызнула нефть.

— Ага, жаль я тогда не набил фрагов, видимо.

— М, какой ты добрый.

— Будешь добрым.

Принесли коктейли, мы перенеслись за столик. Выпили и повторили. Потом заказали башню пива. Слово за слово о старых деньках. Я потихоньку пьянел и уже легче относился к ее подколам. Она без конца поправляла волосы, то и дело склонялась над столом. Потом мы замерли в неловкой паузе, лица наши оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Ее горячее дыхание обжигало и подстегивало. Я не позволил моменту продлиться вечность и отстранился. Настя не двинулась. Она полуприкрыла глаза и произнесла едва слышно: «Знаешь, Артем, я очень хочу тебя поцеловать». И тогда я уже без промедлений склонился к ней. Наш первый спустя много лет поцелуй оказался хорош. Она все так же была гибка и ловка.

Как мы закончили, я выдохнул. Это было чудно и славно. Настя сказала:

— А ты стал лучше... Неужели у тебя кто-то был?

— Не просто кто-то, я даже был женат.

— О, боже, когда успел?

— На втором курсе. И, вот уже как два месяца, — я продемонстрировал палец без кольца.

— Ахах, боже, ну хоть детей у тебя нет?

— Детей нет.

— Просто песец.

Короткая пауза между нами; Настя отвернулась и заплакала.

***

На уроке литературы ребята сидели особенно тихо. Обычно, несмотря на злой нрав недорезанной аристократки Зои Юрьевны, всегда находились перешептывающиеся или бездельничающие в телефоне.

Я не выспался и почти бездумно конспектировал что-то о «Легком дыхании» Бунина. Иногда бросал взгляд на пустое место, принадлежавшее Насте Солнечкиной. С задней парты я не видел ее лица, обычно его скрывали соломенные волосы, спадающие по плечам золотыми волнами, но я все равно залипал на нее. Как у пубертатного подростка, любая женщина без бороды вызывала у меня стояк, впрочем, сзади бороды не видно, так что вставал у меня по три-пять раз в час. Но то, какое шевеление в штанах вызывала у меня Настя, я просто не в состоянии передать. Я не был влюблен, ничего подобного, просто один ее вид, ее запах, голос, смех, свет глаз и даже звук шагов заводили, и я был не в состоянии этому противостоять.

Все усугублялось осознанием своих фетишей. Больше чем о сиськах и жопах, я думал о ступнях. Я бы отдал что угодно, лишь бы вдохнуть запах ее кед после тренировки по волейболу. Каждый вечер я кончал не менее семи раз, представляя текстуру ее пяток, вкус ее пота, касание пальчиков ее ног. Я словно сумасшедший смотрел на ее ноги, запертые в кроссовках, больше всего жалея о том, что не наделен рентгеновским зрением, чтобы хоть раз увидеть ее босой.

Прозвенел звонок. Зоя Юрьевна дала отмашку, освободив нас на перемену. Одноклассники зашевелились, спеша в коридор. Всего пятнадцать минут на обед, а ведь столовая в другом крыле. Зоя Юрьевна не терпела опоздавших, и следующий урок тоже был литературой.

В столовой я сидел в самом углу, за столом, за которым обычно молчали и быстро проглатывали пищу, чтобы поскорее заняться чем-нибудь

действительно полезным. Однако сегодня соседи были чем-то серьезно взволнованы. Еда осталась нетронутой, только вилками они мешали густое остывшее пюре.

— Только что написали, Настя оказывается вскрылась.

— Че? Насовсем?

Душа моя сжалась и отхлынула в далекие закрома, руки задрожали. Я набрал в рот компота, но комок в горле отказывался его пускать.

— Не, спасли.

— Трындец.

— Ага. Вроде из-за парня.

— Какого?

— Помнишь гота? Ебанутый, он с цыплячьей головой ходил.

— А, ну... И что с ним?

— Да хз. Бросил ее, видать.

— Мда. И из-за этого себя резать?

— Настюха всегда была немного припизднутой.

— Это да, но все же не настолько.

— Видать настолько.

Я разломил котлету на части. Соседи уже отправили содержимое тарелок в рот и поспешили на урок.

Речь Зои Юрьевны я больше не конспектировал. Ушел в себя. Может, недосып сказался, но мир вокруг как будто отступил.

Я перевернул тетрадь, открыл последнюю страницу. Я чувствовал шевеление оживающей души. Я стал выводить робкие строки. Еще более каракулисто, чем обычно я пишу, но я сложил короткое стихотворение. О жизни, смерти — подростковые экзистенциальные мысли.

Я глядел в окно, тоскливые мысли хмурились в голове. Странное дело. Я окинул взглядом класс. Кажется, никто больше не был подавлен. Для всех это была, пускай и шокирующая, но все-таки просто новость. Как увидеть пост в телеграмме. А ведь со стороны казалось, у Насти были друзья. Кто как не они

должны были озаботиться тем, что она оказалась в отчаянии, одной ногой шагнула в могилу. Но озаботился только я. Человек, который на нее только дробил.

Звонок. Зоя Юрьевна раздавала задания.

— Артем. Артем... — звучал ее голос в пустоте. Класс обернулся. Я смотрел в окно, сорока сидела на ветке вяза. — АРТЕМ!!!

Я вздрогнул и посмотрел на Зою Юрьевну.

— К следующей неделе выучи «Одиночество».

— Понял.

— Теперь идите на перемену.

На перемене мои догадки подтвердились. Люди бегали друг к дружке, где-то слышался смех, люди суетились более обычного, но никто не был ни на йоту опечален. Из-за мысли о том, что бы случилось, если бы Настя все-таки умерла, у меня разболелась голова.

Прошла неделя. От Насти не было новостей. Только вчера она написала в беседу, что придет сегодня, и просила скинуть домашку. Никто не спросил ее, как дела.

Первые два урока я проспал. Пришел к литературе. Всю неделю я чувствовал себя пусто и нелепо. Я сел на свое привычное место сзади, где последние два года сидел без соседа. Странно, но Насти не было.

Голос Зои Юрьевны электрошоком сокрушил кабинет. Я вдруг вспомнил, что нам задавали учить стихи. Я в списке третий. Конечно, я ничего не учил и было поздно метаться. Я разволновался, рубашка на мне взмокла.

— Артем? — произнесла Зоя Юрьевна после второго декламатора.

Я встал на ватные ноги, зашагал к доске. В глазах потемнело. Я развернулся лицом к классу. Их полуприкрытые, сонные и равнодушные взгляды смотрели, как дула винтовок расстрельного отряда. Я открыл рот, чтобы сообщить, что не готов, но меня прервала теплая капля, упавшая на рубашку.

— Артем?! — голос ее прозвучал озабоченно.

Из носа у меня текла струйка крови.

— Иди к врачу скорее!

И я покинул кабинет.

По пустым коридорам я дошел до угла, за ним был медицинский кабинет. Я обогнул его и замер. На скамейке перед ним сидела Настя Солнечкина. На запястьях у нее белели напульсники. Она смотрела на меня с хищной улыбкой, как будто и не пыталась убить себя на прошлой неделе. Я сел рядом с ней.

— Кабинет закрыт?

— А тебе кто по роже дал?

— Никто.

— Врешь, — она ткнула меня локтем в бок.

— Не вру. Просто стих не выучил, вышел к доске, и кровь пошла.

— Так ты специально кровь пустил, чтобы тебе двояк не ставили?

Я посмотрел ей в глаза:

— Ага, как осьминог.

— Ну ты ферзь.

«Кто вообще так говорит?» — подумал я и спросил ее:

— А ты чего здесь сидишь?

— Мне сказали ходить к медсестре, типо для отчета, что я жива и все такое. А ее нет.

— Да уж.

— Смотри.

Она сняла напульсники и показала две красные полосы — отпечаток неудачи на всю жизнь.

— Мда. Шрам, наверное, останется.

— Ниче, шрамы украшают мужчин.

Я не нашел, что сказать. Настя засмеялась. Я сказал:

— Надо было вдоль, а не поперек.

— Ты, значит, спец?

— Нет, но так в кино обычно говорят.

Настя помолчала, почесала ладонь. Затем она подковырнула ногтем коросту и оторвала, будто мокрый пластырь. На освободившемся месте выступила сукровица. Я сказал:

— Вкуснятина. Я как раз сегодня не завтракал.

— На, — она протянула полоску мне. Я поймал коросту в ладонь и зачем-то отправил в рот. Она имела привкус металла и была как будто из пластика. Я раскусил ее на несколько частей и проглотил.

— Ты просто ебнутый.

— Да? На самом деле просто голодный.

— Нет, ты ебнутый.

— *На самом деле*, я это слышал в основном про тебя.

— Я так и думала. Ну и пусть.

Она отвернулась. Сноп волос скрыл ее лицо. Очевидно, случившееся заставило ее слегка разочароваться в обществе. Она сказала, по-прежнему не глядя на меня:

— Знаешь, я любила гулять с Владом за Каменными палатками. Но теперь его нет, а гулять одной по тем местам стало невыносимо.

Я промолчал.

— Может, ты со мной погуляешь?

— Сегодня, что ли? — я почесал затылок.

— Не-е, давай завтра. Вместо уроков. На хуй их. Последние теплые дни грех тратить на это говно.

— Ну пошли. Где встретимся?

— Ты где живешь?

— Где Пятак.

— Там и встретимся.

— Договорились, — прозвенел звонок. Я встал и добавил: — Только не режь себя больше. Я люблю поесть, но больше сладкоежка, чем мясоед.

Настя рассмеялась и произнесла:

— Ладно, глупый.

***

Мы встретили на Пятаке и пошли в лесопарк. Настя была в джинсовых бриджах и короткой черной футболке. Ее походка пружинила, она то и дело произносила нечто колкое, что заставляло меня конфузиться к ее огромному удовольствию. Мы достигли леса, и тропками она провела меня к заброшенной турбазе. Несколько зеленых деревянных домов, еще советских времен. Часть из них сгорела. Видать, неформалы жгли в них костры.

Настя зашла в один из них. Пол скрипел, стены опасно покосились. Мы оказались в комнате с разбитым окном и сломанной лестницей на второй этаж.

— Здесь Влад убил кота.

— Что?.. Нафига?

— Ну, он же поклонялся Сатане или Самаэлю, или кому бы то ни было.

— Ясно, — я помолчал. Мысль о том, что я нахожусь в месте, где некогда убили нечто столь прекрасное, как представителя кошачьих, была для меня неуютна. — И зачем ты с ним встречалась?

— У него были и минусы.

Я отвернулся.

— Да шучу я, глупый ты, — она подскочила сбоку и ткнула меня локтем в бок.

— Ладно.

Мы постояли молча. Видать, Настю тяготила пауза, поэтому она достала из сумки две булавки. Я вопросительно посмотрел на нее. Настя двумя пальцами оттопырила веко и подперла его острым концом, обратный конец взгромоздив на скулу. То же самое она сделала со вторым. Ее глаза стали похожи на киоски с навесными козырьками.

Мне было больно даже смотреть на это, о чем я сразу сообщил. Настя захохотала и убрала булавки. Я сказал: «Какая странная демонстрация.

Хотелось бы знать, демонстрация чего это было». Настя ткнула меня в бок вместо ответа.

— Пойдем к ручью?

— Пойдем. А что там?

— Просто люблю по нему ходить.

И мы пошли.

У ручья Настя скинула кеды, сняла гольфы и положила их внутрь обуви. Она зашла в воду. Мне сложно передать, что я почувствовал, увидав ее розовые ноготки и чуть покрасневшие от ходьбы пяточки. Я даже подумал, что схожу с ума. Для меня, пятнадцатилетнего дровича, случилось что-то невероятное.

Настя ходила по ручью. Холодные сентябрьские воды омывали ее ноги. Стать бы этой водой, струится у ее лодыжек, играть между пальчиков, ласкать подошвы ступней.

Я остановился у ее кед.

— Иди тоже походи по ручью! — предложила Настя. Но я замахал в знак отказа.

Я вынул ее гольфы из кед. Горячие, будто солнце, белые, с серыми следами на пятках. Я засунул их в карман толстовки. Я уже предвкушал, как вдохну их запах. От этого член встал каменным монолитом.

Настя вышла из ручья. По траве она прошла к кедам, взяла их и засмеялась:

— Верни носки, ты!

— Не-е... — только протянул я. Не хотелось выпускать их из рук.

Настя посмотрела на меня. Глаза ее расширились как никогда. Она засмеялась громче обычного.

— Так ты один из них! Фут-фашистов!

— Но у меня тоже есть минусы, — ответил я.

— Ладно, — она смеялась очень громко. А мне всего лишь не хотелось терять ее гольфы из рук. — Отдай их мне!

— Зачем?

— А как я пойду без них.

Я потупился, но все-таки вернул ей украденное. Она надевала их медленно, будто снималась в рекламе, потом обулась и сказала:

— Давай договоримся, глупый...

— Ну...

— Я дам тебе свои носки. Но потом. Когда все будет решено.

— Это... звучит очень мрачно.

— Так и есть.

Я посмотрел на нее. Впервые улыбка исчезла с ее лица. Если до сей поры она была пылающим солнцем, то в этот миг покрылась корочкой льда. Я хотел что-то сказать, но ничего не приходило на ум. В любом случае, ломать двери и спасать людей — это обязанность пожарных.

Мы еще недолго погуляли. Без прежнего озорства. Настя вдруг присмирела. Я чувствовал себя неловко, будто оскорбил ее. Однако она взяла меня за руку, и сказала, что хочет домой. Я проводил ее, мы шли за ручку, как будто были парой. Со стороны это могло выглядеть мило, но я так не думал. Я не любил Настю, я просто считал ее чертовски горячей. Любила ли меня Настя в тот момент? Я не могу ответить, но скорее всего нет.

У подъезда она встала ко мне на опасном расстоянии. Ее грудь вздымалось, дыхание было тяжелым. Я сказал:

— Пришло время прощаться. Вроде хорошо погуляли.

Настя ничего не сказала. Она схватила меня за волосы сзади и прижалась в поцелуе. В пятнадцать лет я совершенно не умел целоваться. Я беспомощно шевелил губами, Настя пустила в ход язык. Потроха внутри совершали настоящий гладиаторский бой. Момент казался фантастичным.

Она отстранилась. Потом взглянула и сказала:

— Да. Пожалуй, как-нибудь.

***

Мы с Настей сидели в баре до закрытия. Очень напились. Разделили счет и выползли на предрассветный проспект.

Оказалось, что живем мы рядом. Вызвали такси до ее дома. Там и простились, предварительно обменявшись контактами. Я дошел к себе пешком.

Потом мы списывались. В основном она мне писала, и в основном ночью. Это было странно. Говорили о чувствах, но не взаимных, а *вообще*. Иногда говорили об одиночестве. Это было тяжелее всего.

Как-то я сидел после работы, смотрел сериал, попивая пиво. Потом открыл вино и решил написать Насте. Я предложил погулять по тем же местам, где мы гуляли, будучи подростками. И она согласилась, и даже предложила это сделать немедленно. Я уже был захмелен, так что согласился.

Мы пошли в парк, но ночь оказалась слишком темной, тропинок было не разглядеть. Так что мы остались у Каменных палаток. Залезли на самый верх. Пили вино. Я растянулся на твердом камне. Она обняла меня.

Вино мы прикончили очень быстро, и этого оказалось мало. Мы вышли из парка до разливайки, просто хотели взять догон и вернуться. Но после покупки двух полторашек, Настя сказала:

— Как-то странно идти на то же место, где мы уже были. Это тупо. Ходим туда-сюда.

— И что ты предлагаешь?

— А ты что хочешь?

— Можем ко мне пойти. Можем на Пятаке посидеть.

— К тебе, — она пошла, будто знала, где я живу.

— А Миша не будет против?

— А разве он здесь?

Я промолчал.

— Он сейчас занят.

Я помолчал и сказал:

— И зачем ты с ним встречаешься?

— Сложно сказать.

— Я этого не пойму.

— Не поймешь.

Мы пришли ко мне. Настя не стала пить, не стал пить и я. Настя обняла меня, мы упали на кровать.

А я ведь думал, что в раю можно оказаться только после смерти.

Прошло пару недель. Мы еще несколько раз ходили на то же место. Брали бутылку вина или кофе в термосе. Смотрели на звезды и делили тоску.

Как-то я прочитал ей стихотворение, которое сочинил еще в школе. С тех пор я его несколько раз переписывал, местами изменял. Оно стало единственным моим стихотворением, но я хранил его, словно нашел в речном песке золотой самородок. И вот, я произносил ей эти строки:

*Мне не больно, и я умираю
Потому что я родился давно
Потому что яблоня отцветает
Потому что сохнет на асфальте говно*

*Мне не больно, когда умираю
И не важен вопрос нафига
Последний я ход совершаю
Туда, откуда валят снега*

*Больно не мне, когда умираю
Ведь не плачет уныло говно
Дерево не ревет отцветая
И вообще на жизнь все равно*

*Когда больно, не я умираю
И когда счастлив, мертв кто другой
Пусть большие других улетает
А я с улыбкой и хвостом трубой*

*Больно, когда умираю не я
И топлю это чувство, краснея
Долго жду того календарного дня...
Очень больно, ведь умираю не я*

Настя не нашла чего ответить. Она прижалась поближе. Каменная порода под нами была в тот день холодна.

***

Однажды Настя написала мне. Попросила выйти у подъезда.

Она не улыбалась. Молча протянула мне пакет. Я догадывался, что в нем, брать не стал. Подумал: «К чему эти формальности?»

— Значит, уже все? — спросил я.

— Это будет маленький шаг для человека.

— И совершенно незаметный для человечества.

— Потому что шахматные фигуры не видят за пределы игрового поля.

— А ты сделаешь ход...

Она перебила:

— Именно.

Я промолчал. Глаза намокли. Увидев мои слезы, Настя тоже не сдержалась.

— Интересно, правда? — произнесла она дрожащим голосом.

— Да уж.

Я погладил ее влажную от слез щеку. Она обняла меня и ушла. Я вернулся к себе, упал в кровать и укрылся с головой. Я плакал и ни о чем не думал. Это был конец нашей истории.